

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ БОРЦАМ РЕВОЛЮЦИИ (МОПР)

БЕССМЕРТНАЯ КОММУНА

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ,
УЧАСТНИКОВ
ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Т. Т.
ГУСТАВА ИНАРА,
АНТУАНА ГЕ,
М. П. САЖИНА,
АХИЛЛА ЛЕРУА,
В. Б. АРЕНДТА,
ИППОЛИТА НОЭЛЯ

В книге 7 фотографий

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК МОПР СССР

МОСКВА — 1928

Веб-публикация: сайт Vive Liberta

Литература по истории Парижской коммуны в нашей библиотеке и сообществе «Знание - власть»:
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

Поэзия коммунаров:

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

Фильм «Коммуна» Питера Уоткинса, дублированный инициативной группой

http://narod.ru/disk/9425873000/la_commune_l-compr.avi.html

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Во всей многовековой истории мирового революционного движения Парижская Коммуна является наиболее яркой страницей. Поэтому история восстания 1871 г. и все, что связано с героической борьбой парижских коммунаров, представляет собою в нашей историко-революционной литературе излюбленную тему.

Все же предлагаемая нами читателю книжка нова и по своему замыслу и по своему содержанию.

Здесь собраны воспоминания о Парижской Коммуне всех живущих в Советской России ее участников, доживших до наших дней. Эта группа ветеранов составляет, повидимому, и большинство всех здравствующих еще вообще участников и очевидцев Коммуны 1871 г.

Публикуемые в этом сборнике отрывки воспоминаний посвящены событию, имевшему место 57 лет тому назад, и этого нельзя забывать. Много, конечно, ушло из памяти пишущих в сборнике товарищей; выветрились на протяжении истекших десятилетий отдельные подробности, многие детали, и это тем более, что авторы воспоминаний в большинстве своем не делили руководства Коммуной («Я скромный, незаметный офицер» — пишет один из них), хотя и были ее преданнейшими борцами. Но это последнее обстоятельство ничуть не умаляет значения и неоспоримого интереса этой книги.

Смысл ее отнюдь не в том, чтобы представить полный обзор истории Коммуны или достаточно глубокий социально-политический анализ ее (в этом отно-

шении приводимые очерки не лишены некоторых, с нашей точки зрения, погрешностей).

Этот небольшой сборничек, рассказывая о ряде ярких эпизодов Коммуны, героизме ее многочисленных безыменных борцов, подлости, тупости и полном вырождении ее врагов, поможет читателю во многом разобраться. Вся ценность этих очерков в том, что они насквозь правдивы, что писались они с большим подлинным благоговением настоящими солдатами Парижской Коммуны, из которых некоторые только благодаря случайности избегли смерти в кровавые дни майской недели. Это проходит красною нитью по всей книжке.

Говоря о героях Коммуны, Маркс пишет: „Ее мученики воздвигли себе памятник в великом сердце рабочего класса“, и мы полагаем, что с такою же любовью следует говорить об уцелевших коммунарах 1871 года.

Товарищи Инар, Ге, Леруа, имеющие уже позади себя восьмидесятилетний жизненный путь, преисполнены, как они нам пишут, „безграничного счастья и радости тем, что мы можем свои старческие годы провести в стране, осуществляющей на практике заветы парижских коммунаров“. И когда другой ветеран 1871 г., тов. Ноэль, приезжавший в Россию в дни 10-летия Октября, восклицает: „Мне семьдесят два года, но в случае войны я первым пойду с винтовкой в руках защищать Советский Союз и умру с радостью за него“,—то в этих словах чувствуется действительно достойный сын Парижской Коммуны.

В дни годовщины Парижской Коммуны МОПР является главным именинником. 18 марта является признанным днем МОПР'а. Это означает, что МОПР в эти дни с удесятеренной энергией усиливает помощь многочисленным продолжателям дела парижских коммунаров, достойным наследникам Коммуны, борющимся за ее идеалы.

В эти же радостные дни годовщины Парижской Коммуны, которая, по выражению Владимира Ильича, „научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции“, мы не можем не

приветствовать сердечно старых коммунаров 1871 г. доживших до наших дней.

Пусть их старые годы украсит то, что им выпало дожить до дней, когда великие идеи Парижской Коммуны уже обрели плоть и кровь на шестой части земного шара, и знамя коммунизма стало боевым знаменем международного пролетариата.

Сидят слева направо: Г Инар, Фурлат, И Ноэль и А. Леруа

БОРЬБА ЗА КОММУНУ

Когда началась война с Пруссией, меня не призвали на военную службу,—повидимому, я просто попал в списки мобилизуемых. Незадолго до этого я закончил двухлетнюю службу в армии, и у меня вовсе не было охоты познать фронтовые лишения и проливать кровь за Луи-Бонапарта. В нашей семье жили традиции революции 1848 г., и отец мой всегда высказывался самым отрицательным образом о Луи-Наполеоне, который путем обмана восстановил во Франции монархию.

Но на полях битв дела складывались все хуже и хуже, одно поражение следовало за другим, надвигался разгром, а с ним и конец Империи. Все заговорили о республике.

Республика — дело другое, и в конце лета 1870 г. я вновь надел военный мундир. Пробыв некоторое время в 35 линейном полку, я перешел из него с рядом других молодых людей своего квартала в отряд Национальной гвардии.

Пришла революция 4 сентября. История запечатлела все эти события—переход власти в руки беспомощной и предательской буржуазии, финальную военную ката-

строфу наших армий, капитуляцию Парижа и 18 марта. Большинство участников этого незабываемого дня уже нет в живых. Одни из них пали с оружием в руках, другие были расстреляны и замучены, третьи закончили жизнь в ссылке и на каторге. Но если бы можно было воскресить мертвых и спросить у них, сознавали ли они, что в этот день совершается величайшее мировое событие, которое оставит на вечные времена огненный след в истории человеческого рода, они ответили бы скромно, что в тот момент они об этом не думали. Точно так же отвечу и я.

Нельзя было просто оставаться тогда пассивным, вот почему я стал национальным гвардейцем и очутился под командованием капитана Кердеруа. Но тот вскоре куда-то исчез. Я перешел в распоряжение мэрии своего округа и вошел с совещательным голосом в состав образовавшегося Временного комитета. Здесь мне выделили работу по организации госпиталей, назначив меня помощником к доктору Дюбриссей. Основная и нелегкая задача наша состояла в реквизиции помещений и всех необходимых для оборудования госпиталей материалов. Закончив это дело, я решил поискать другую работу, которая более соответствовала бы моим наклонностям и принесла бы больше пользы Коммуне.

Наш округ, пропитанный насквозь реакционным духом, остался без военной организации. Я вместе с двумя товарищами поставил об этом вопрос во Временном комитете. Нас направили к руководившему военными делами полковнику Росселю.

Тот задал мне вопрос, служил ли я в армии. Получив утвердительный ответ, он назначил меня капитаном штаба легиона. Вместе с другими офицерами легиона мы выбрали своим командиром некоего Бурсье.

Этот Бурсье был виноторговец, служивший в молодости в армии и получивший там чин сержанта. В нем чувствовалась большая любовь к блеску, галунам и парадам, а когда наступил момент опасности, он бежал перед первым же боем.

Дух реакции постепенно прокрадывался в наши ряды. Наш подполковник был явный реакционер, близ-

кий приятель пресловутого Бурсье. В этой обстановке я и другие революционно настроенные командиры выражали естественное недовольство и нестроженность.

Мы посещали народные собрания, я выступал там против пассивности Коммуны, предостерегал о предстоящем выступлении версальцев, но всюду наталкивался на возражения. Мне заявляли, что Версаль никогда не осмелится выступить против нас, что армия на это не пойдет, что при первом же наступлении Тьера Париж сам похоронит себя под своими развалинами; иронизировали над моей молодостью, горячностью и т. д.

Увы, случилось то, чего следовало ожидать. 2 апреля версальцы перешли в наступление, подготовившись к нему и будучи уверены в своих силах. Дезорганизованная и деморализованная армия Версаля была приведена в порядок, входившие в ее состав молодые солдаты получили соответствующую обработку—мы были в их глазах лишь простыми бандитами, ворами, разбойниками. В дополнение ко всему, им выдавали двойную порцию вина, вволю пищи и обещали разрешить пожить в Париже, когда Париж будет взят.

Я немного отдалюсь в сторону от тех событий, когда армия Тьера пошла на Париж. Хочу поделиться с читателем одним воспоминанием из ссылки, которое имеет прямое отношение к делу.

В ссылке я работал на одной фабрике фруктовых консервов, и туда однажды явился какой-то приезжий, нуждавшийся в работе. Свободного места не оказалось, но мы как-то очутились вместе и разговорились за кружкой пива.

Он был солдатом и находился в Новой Каледонии, когда разразилась война. Известие о поражениях армии глубоко потрясло тамошних солдат, и они потребовали, чтобы их перевели во Францию. Их просьба была удовлетворена, и спустя несколько месяцев они уже были на родине, где их разместили по чистой случайности с версальскими солдатами, участвовавшими в захвате Парижа. Первая встреча была, разумеется, самая радостная. Но когда вновь прибывшие немного

обжились с тьеровцами, они узнали от последних много, что вызвало в них отвращение и негодование. Победители Коммуны хвастали своими подвигами, расстрелами мирного населения, их мешки и ранцы были переполнены украденными вещами. Тогда между обеими сторонами возникли раздоры, зачастую приводившие к побоищам, с применением оружия. Начальство распорядилось о том, чтобы их отделили друг от друга.

Возвращаясь к своему рассказу. 3 апреля послышались орудийные залпы, и Национальная гвардия была выслана навстречу неприятелю, чтобы не допустить его к городу. Не допустить неприятеля—легко сказать. Но что делали вы, члены Коммуны, с 18 марта до 3 апреля? Вы—мертвы, мир вашему праху.

В этот день я не принимал участия в сражении, так как штаб оставался на месте—не только для подготовки новых частей, но и потому, что следовало ожидать вспышки внутренней контр-революции.

К несчастью, бои 3 апреля закончились для нас плачевно. Форт Мон-Валериен, бывший своего рода ключом для всех позиций, вследствие самой невероятной непредусмотрительности, оказался в руках противника. После бегства Тьера в этот форт были направлены национальные гвардейцы под командой морского офицера Люйе, который был известен лишь тем, что дал пощечину Касаньяку, одному из персонажей Империи. Это был не ахти какой подвиг, но в то время была большая нужда в людях, и Люйе—пьяница и ничтожество—вдруг стал чуть ли не великим человеком. Когда он явился в форт Мон-Валериен, офицер, бывший комендантом этого форта, заявил ему, что он сам будет держать форт для Коммуны. Люйе ретировался. Но когда колонны армии Коммуны вышли за город, орудия форта открыли по ним ураганный огонь. Национальные гвардейцы решили, что их предали. Фактически так оно и было, вследствие поступка Люйе и полного невежества военных властей, не подумавших о том, чтобы хорошо обеспечить за собой форт, прежде чем двинуться на Версаль.

Начиная с этого дня, наше положение значительно ухудшилось. Наиболее удаленные от города позиции

были покинуты, и Коммуна начала оборонительную борьбу, которая не могла не привести к поражению.

Коммуну, стиснутую между прусской армией и войсками Версаля, могла теперь спасти только провинция. Но, как известно, не успела она шевельнуться, как ее привели в повиновение.

Что касается меня, скромного, незаметного офицера,—я продолжал выполнять функции, возложенные на меня полковником Росселем: несколько раз руководил боевыми действиями, совершал ночной обход по городу, и мне даже пришлось подписывать наряды для караула, охранявшего Национальный Банк, который мы „берегли“ для... версальцев.

22 мая войска Тьера ворвались через ворота Парижа. Стратегия победила отвагу. Говорили об измене. Но в действительности враг взял верх только благодаря численному превосходству и лучшему вооружению. Армия Коммуны, насчитывавшая по спискам 200.000 чел., фактически располагала не больше чем 50.000 чел.; в решающие последние дни число защитников свелось к 15.000—20.000 чел.

24 мая я получил приказ отправиться в артиллерийский парк и доставить два орудия для защиты Вандомской площади. Мне также было предложено направиться в ратушу и узнать, почему Делеклюз мешкает с защитой города. И там я услышал от главнокомандующего такие слова:

— Сжигайте все, что вы не сможете защищать.

К вечеру я вернулся без орудий и сообщил своему полковнику, что слышал от Делеклюза. Тот ответил, что он не послушается и поджигать не будет.

Ночь прошла спокойно на нашем участке, но мне довелось наблюдать разрушение Тюльерийского дворца, резиденции королей и императоров Франции с Наполеона I. Это было грандиозное зрелище. Сидя верхом на лошади на площади Карузель, я видел, как языки пламени пожирали здание, как падали люстры и исчезали в дыму и огне портреты маршалов. Вдруг раздался оглушительный взрыв—Тюльери взлетел на воздух.

На другое утро получился приказ—поджечь королевский дворец Пале-Рояль, и мы должны были отсту-

пить к ратуше, защищая баррикады между ней и дворцом.

В эту минуту я вдруг заметил исчезновение трех штабных офицеров — полковника, подполковника и капитана. Я остался один, возмущенный трусостью этих господ, вскочил на лошадь и помчался к Делеклюзу.

— Нас атакуют на улице Риволи, — доложил я.

— Если вас атакуют, нужно защищаться, — ответил он и приказал Жаккару принять на себя командование взамен бежавшего полковника. Мы галопом поскакали к первой баррикаде. Но было поздно, ее защитники уже отходили.

В своей „Истории Коммуны“ Лефрансе говорит о подготовлявшейся обороне ратуши, где должны были собраться 6.000 чел. Но там почти никого не было, когда я туда прибыл. Мы заняли боевые позиции, у людей был напуганный или по меньшей мере обескураженный вид.

Вскоре ратуша запылала, за мной явились, чтобы вытаскивать из погребов снаряды. Ратуша превратилась в груды развалин, а на баррикаде одиноко стояла женская фигура с красным знаменем в руках. Эта женщина ни за что не хотела уходить, рискуя ежеминутно жизнью.

Баррикады на Бастильской площади были атакованы только на другой день. Я был направлен на Пер-Лашез, чтобы регулировать оттуда оружейный огонь, так как пушки брали слишком низкий прицел. Там я встретил старого друга детства Рига, учителя. Наступил вечер. Картечь сыпалась дождем, и я укрылся в соседнем здании, где неожиданно нашел Кердеруа, лучшего из наших офицеров.

На утро я сел на коня и намеревался подъехать к ратуше, чтобы увидеть, приближаются ли версальцы с этой стороны. На баррикаде, на углу улицы Сен-Антуан, я увидел лишь одного человека, который изрыгал проклятья по адресу отступивших защитников. Я ничего не ответил. Шагах в двухстах от меня раздался ружейный залп. Пули засвистели мимо моих ушей, а этот человек не сдвинулся с места. Спустя несколько часов версальцы были уже хозяевами этой баррикады.

Площадь Бастилии выходит на восемь улиц и авеню. Мы держались почти до самого вечера, перешли к баррикаде, выходящей на улицу Серизе. Ко мне присоединился какой-то иностранец, одетый в костюм „друга Франции“. Он был тяжело ранен при защите баррикады на улице Серизе. Я отправился к площади Рояль, чтобы увидеть, не обходят ли нас версальцы с этой стороны. Со мной была только небольшая группа штатских и национальных гвардейцев. Один из них сообщил мне, что наш „друг Франции“ ранен на баррикаде, и мы вдвоем пошли за раненым. Но как было взять его, когда свинцовый град ложился кругом? Тем не менее, нам это удалось, мы передали его санитарам, а сами вернулись на позицию.

Отступая, мы укрылись в одном магазине, где были вина, ликеры, табак. Наши федералисты ничего не тронули. вспомните, как вели себя в таких случаях версальцы.

На другое утро площадь Бастилии была атакована со всех сторон, и нам пришлось отходить к Бельвиллю, Шарон и Менильмонтан. Из делегатов Коммуны остались только два человека, которым я заявил протест против эвакуации ратуши и потребовал распоряжений. В этот момент к нам подошла группа национальных гвардейцев и потребовала, чтобы им дали командира и знамя. Я вызвался, и мы спустились на бульвар Ришар Ленуар. Нас встретил подполковник, предложивший нам занять баррикаду, потеря которой грозила защите площади Республики, где командовал Делеклюз. Наш отряд выполнил этот приказ. Туда ко мне привели шпиона версальцев, которого тут же расстреляли.

Ночью версальцы бросились на приступ, захватили баррикаду на Ришар Ленуар, и нам оставалось бежать. 27-го я укрылся на Пер-Лашез, где собралась сотня последних защитников Коммуны, среди них Ферре, Гамбон, Валлес. Еще несколько судорожных усилий, несколько выстрелов, заглохло последнее орудие — наступил конец Коммуне.

МЕСТЬ БУРЖУАЗИИ

В то время как в Париже назревало восстание, в моем родном городе Марселе, лежавшем вдали от фронтов и от столицы, почти не чувствовалось дыха-

ния революционной бури. Правда, к нам долетали смутные слухи о голоде и нужде, царящих в осажденном городе, шли разговоры о жестоких военных неудачах и бездарных генералах Наполеона, приведших Францию на край гибели. Но оптимизм, свойственный французской нации вообще и нам, южанам — в особенности, заглушал тревожные настроения и поддерживал

веру в то, что мы разделаемся с внешним врагом, а затем избавимся и от монархии.

18 марта, когда в парижской ратуше Центральный Комитет объявлял об учреждении Коммуны, я с несколькими товарищами находился в поезде, шедшем из Бордо в Париж. Я ехал туда по поручению своего учителя пения и декламации, актера Жаруссо, чтобы выяснить в некоторых театрах возможность получения ангажемента. Но у меня была и скрытая цель: увидеть собственными глазами, что происходит в Великом Городе.

Первое, что нас удивило, это картина вокзала в Версале. Он имел вид встревоженного улья, был переполнен войсками и жандармерией. Повсюду толпились бледные, перепуганные буржуа, с семьями, тюками, чемоданами и корзинами. Они словно только-что спаслись от пожара.

Как только поезд остановился, его оцепили жандармы и предложили всем выходить из вагонов.

— Дальше поезд не идет!

Мой сотоварищ Блондель шепнул мне:

— Все-таки попробуем пробраться.

Мы были налегке, и нам ничего не стоило просмыгнуть мимо жандарма, перескочить через барьер и потихоньку, окольными путями, двинуться в Париж. В тот же вечер мы были уже у родных Блонделя.

Париж ошеломил меня. Люди, которые попадались мне в это раннее утро на улице, новые знакомые, толпа рабочих у ратуши, национальные гвардейцы, члены, Коммуны—все они совершенно не походили на наших, почти не выбитых из колеи, марсельцев.

Здесь все горело и волновалось. Обрывистые фразы, слова, исполненные особенного смысла, в которых чувствовались решимость, воля и нависшая угроза, будоражили меня, захватывали, торопили.

Я поступил ординарцем к военному комиссару, стал разносить приказы по всем парижским укреплениям. Спустя несколько дней я уже был экипирован и записан в роту, выступавшую против версальцев.

Первый бой кончился для нас неудачно. Под давлением превосходящего нас численностью противника мы принуждены были отступить к авеню Нейли. Затем, после ожесточеннейших боев, шедших с переменным успехом, нанося противнику удар за ударом, отстаивая каждую пядь земли, мы задержались у высот Беллевиля. Но тьеровские бандиты были сильнее, нам пришлось сдать и эти позиции, перейти к Роменвилю, и в конце концов наступили последние дни Коммуны.

У нас возникла мысль пробраться через прусские линии. Но их командир ответил нашим парламентарам:

— Ваше дело попытаться, но мы вас задержим и передадим версальскому командованию.

Мы предпочли остаться.

Утром 28 мая нас обошли, захватили в плен и отвели в тюрьму Петит Рокетт.

На другой день, связанных по пять в ряд, нас повели на вокзал Монпарнас под конвоем кирасиров, с шашками наголо. Нас заперли в товарные вагоны, и поезд двинулся в Версаль, где скопились тысячи пленных коммунаров.

Когда мы шли с вокзала в версальский замок, нарядные дамы и девицы из „хорошего общества“ осыпали нас ругательствами, плевались, били зонтиками, а мы не могли защищаться.

После допроса нас на ночь загнали в обширное помещение, где пришлось спать, тесно сбившись на полу. На другой день мы были на пути в Брест. Там нас уже ожидали на рейде понтоны, на которых мы должны были остаться на долгие месяцы, пожираемые паразитами, страдая от грязи, сырости и недоедания.

Я провел семь месяцев на понтоне Дюгуй Троэн. Оттуда нас отправили в Сен-Жермен-ан-Лей, где должен был состояться военный суд.

Незадолго перед этим я написал своей матери, что тот день, когда я предстану перед военным судом, будет прекраснейшим днем моей жизни. Это письмо было перехвачено. Мой защитник сделал мне за него упрек и сказал, что я сам отягощаю свою участь.

И вот мы предстали перед раззолоченными, украшенными множеством медалей, блестящими офицерами. Председатель ставит мне вопрос:

— Скажите, что вы делали во время Коммуны?

— Во время Коммуны моя рота дралась с вашими доблестными версальцами до последнего дня, до самой площади Бастилии.

— А если бы Коммуна вернулась, как бы вы поступили?—спросил председатель.

— Так же, как и тогда,—ответил я.

Этим все кончилось. Я был приговорен к пожизненной ссылке.

Меня с другими осужденными посадили в арестантский вагон, разделенный на одиночные камеры, и от-

правили в Иль Олесон, где мы уже застали первую партию, которая направлялась в Новую Каледонию.

Увидев, что у них всех обриты головы, как у каторжников, мы заявили, что не желаем подвергнуться той же операции.

Мы объявили голодовку. Вечером нас заперли в каземат, где мы провели ночь. Меня там охватил припадок удушья, и я пролежал без сна всю ночь. Утром врач Ланзе положил мне 13 пьявок на левый бок и сделал кровопускание, но удушье продолжалось и не оставляло меня в продолжение долгих месяцев.

Настал день отправки в Новую Каледонию. Нескольким флотских врачей стали меня осматривать, чтобы определить, смогу ли я выдержать такую продолжительную дорогу.

Главный врач едва взглянул на меня и обратился к лечившему меня доктору:

— Разве вы не видите, что этот субъект вас водит за нос?

Тем не менее мой отъезд был отложен до ближайшей партии.

Не желая больше подвергаться оскорблениям, я заявил врачу, когда приблизилась отправка новой партии:

— Отправляйте меня, я больше не намерен выслушивать, что вожу кого-либо за нос и разыгрываю комедию.

Транспортное судно „Герриер“ увезло нас в Новую Каледонию. Нас набили, как сельдей в бочку, везли пять месяцев и кормили такой дрянью, которой не ели бы и свиньи. Два раза в неделю мясо, соленое до того, что его нельзя было взять в рот. Вместо кофе подавали бурду, напоминавшую помой от мытья посуды. На пути у нас произошло столкновение с комендантом судна из-за того, что он хотел отправить в карцер двух товарищей. Пришлось стерпеть, иначе нам грозил расстрел.

В ответ на нашу просьбу—выдавать только один раз в неделю несъедобное соленое мясо—комендант ответил:

— Раз так, вы будете получать его три раза в неделю.

За то, что я не успел подняться утром после звука рожка, меня заковали на две недели в кандалы.

Через пять месяцев плавания мы завидели рейд Нумеи, столицу Новой Каледонии. Появились власти и предложили нам сойти на берег. На полуострове Дюко нас ждали деревянные бараки.

Каждый получил по гамаку, одеялу, немного посуды и принадлежностей для варки пищи. В бараках нас разместили по десять человек в одном помещении. Спустя несколько дней нам разрешили подходить к морскому берегу, с тем, чтобы мы являлись каждое утро на поверку.

Мой товарищ Жиллар, знавший плотниче дело, как-то сказал мне, что поблизости есть роца, где можно будет построить лодченку и попытаться добраться до берегов Австралии.

Я согласился, и мы стали проводить дни в рубке и пилке деревьев, добыв пилы и топоры. Закончив лодку, мы попытались спустить ее в воду, но это не удалось. В некотором расстоянии от нас находились другие товарищи, которые жгли уголь в лесу. Один из моих земляков-марсельцев построил большую лодку и спустил ее в воду, и я с другими коммунарами решил бежать. Но, как сразу же выяснилось, она набирала воду, и ее пришлось потопить, чтобы скрыть следы.

Вскоре мы узнали о побеге Рошфора, Паскаля, Груссе, Оливье, Бельера, Журда и Бастьена. Они переправились в маленькой лодке на парусник, стоявший в Нумее.

После того, как этот побег удался, мы с удвоенной энергией стали готовиться к побегу, строя лодку с Жилларом из досок, которые доставал нам Осси.

Это продолжалось три месяца. Однажды ночью мы уже были на берегу, готовые к отплытию. Но на беду, один из надзираемых, проходивший мимо с фонарем, заметил что-то подозрительное и понял, что готовится побег. Нам удалось скрыться. В тот же вечер Осси и другой товарищ были в тюрьме. На третий день поймали и нас. С револьвером в руках нас повели обратно. Нас обыскали и посадили в тюрьму, где пре-

варительное следствие продолжалось пять месяцев. Под 50 градусами жары мы ждали отправки на суд в Нумею. Мы отказались дать какие бы то ни было показания.

Нас приговорили к работам в каменоломнях на 14 месяцев. Я шел туда, скованный в одной паре с Чиприани. Загем нас разлучили. За 4 месяца до окончания срока нас отпустили обратно в лагерь.

В лагере я занимался музыкой, пением, математикой и даже организовал любительскую труппу. После амнистии к нам присоединились отпущенные с каторжных работ. Каждый понедельник к нам доносились из каторжной тюрьмы, находившейся недалеко от полуострова Дюко, звуки барабана. Это означало, что начиналась экзекуция. Давали по 25 ударов. Кровь струилась рекой, и несчастного потом уносили в околоток.

Еще во Франции я познакомился с одним товарищем по имени Доэ, приговоренным к пожизненной каторге. Мы встретились с ним в Мон Валериене, когда он ждал отправки на каторгу, а я — отправки в ссылку. Волосы его тогда чуть-чуть начинали седеть. Это было в конце 1871 года.

Выйдя с каторги, я обратился к одному товарищу, не знает ли он здесь Доэ.

Он ответил:

— Как же, он тут вместе с нами.

— Передайте ему, пожалуйста, эту записку.

Я недолго ждал. Ко мне вышел бритый, седой, как лунь, старик. Мы бросили друг другу в объятья.

Когда была объявлена амнистия, я не успел попасть в первую партию и с нетерпением дожидался прихода второго транспортного судна, которое должно было увезти нас во Францию.

В первое же воскресенье у меня произошла история с командиром судна. Мы проходили мыс Горн, было очень холодно. В 11 часов пришел священник, нужно было становиться на молитву. Мы не захотели обнажить головы. Тогда один из офицеров сорвал с моего товарища шапку с криком:

— Шапки долой, когда молитва!

Я подошел к нему и заявил:

— Здесь холодно, вот почему мы не можем этого сделать.

Он залился и крикнул:

— Ах, так! Стало быть, опять бунт, революция!

За этим инцидентом последовал второй: однажды утром, когда заиграл рожок, было еще темно, и мы потребовали, чтобы зажгли свет. За это мы удостоились окрика:

— Замолчите, банда разбойников, убийцы!

Мы написали жалобу командиру, но не получили никакого ответа.

Вскоре показался остров Св. Елены, где закончил свое существование Наполеон—убийца, отправивший на тот свет своими безумными войнами 3.000.000 чел. Затем мы прибыли на рейд Бреста, где жители оказали нам восторженный прием.

На другое утро я был в Париже.

Antoine Guy

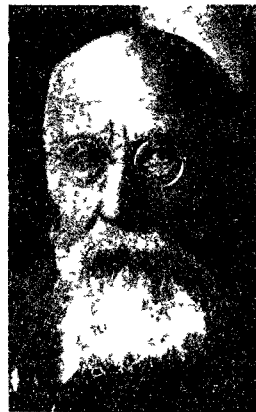
М. П. САЖИН (Арман Росс)

РАССТРЕЛ КОММУНЫ

Теперь я постараюсь описать местность, где мне пришлось в последний раз быть с оружием в руках защитником Коммуны.

Округ Батиньоль имеет вид треугольника, одна сторона которого, лежащая на юге, включает бульвары де-Курсаль и Батиньоль до площади Клиши; другая сторона идет на север от этой площади до авеню Сент-Оуэн почти перпендикулярно к этим бульварам и служит границей между округами Батиньоль и Монмартр, а третья сторона, замыкающая треугольник, идет с севера вдоль крепостной стены, соединяя начало бульваров и конец авеню Сент-Оуэн.

На расстоянии 60—70 сажен от площади Клиши по авеню Сент-Оуэн влево отделяется авеню Клиши по направлению на запад и идет почти параллельно бульварам Батиньоль и де-Курсаль. Вот в промежутке между авеню Сент-Оуэн и авеню Клиши находилась квартира Лаврова*) в переулке, расположенном очень

*) Автор имеет в виду русского ученого, теоретика народничества П. Л. Лаврова, на квартире которого он жил в Париже.

близко от авеню Клиши и идущем параллельно этому авеню. Авеню Сент-Оуэн идет от площади Клиши на север, до самой крепостной стены города.

В воскресенье, 21 мая, во дворце Тюльери состоялся очень большой концерт в пользу семейств коммунаров, пострадавших во время гражданской войны. По окончании концерта, около 6 часов вечера, в зале быстро распространилось известие, что версальские войска проникли в Париж. Около половины мая маршал Мак-Магон, главнокомандующий всеми войсками, установил батарею в 60 орудий под защитою форта Мон-Валериен. Всего же у версальцев в разных местах было расположено до 300 морских и осадных орудий, которые с 20 мая начали бомбардировку укреплений и крепостной стены. С помощью 60-орудийной батареи разрушена была в воскресенье 21 мая вечером в юго-западном углу часть стены, опоясывающей Париж. И вот через этот-то пролом и ворвались версальские войска. Вначале они подвигались вперед очень медленно тремя колоннами. Одна колонна двинулась вдоль стены на юг, стремясь занять левую часть города, вторая колонна направилась к Триумфальной арке, т.е. к центру города, а третья пошла на север, тоже вдоль стены, в обход округа Батиньоль. Сопротивление войск Коммуны во всех этих местах было незначительно, потому что всюду их оказалось очень мало, и они отступали внутрь города, который начал уже покрываться баррикадами.

В мае Коммуна декретировала образование комитета под председательством Гальяра, который должен был создать ряд баррикад в городе, а также минировать все стратегические пункты его. Но эта комиссия почти ничего не сделала для защиты Парижа, и версальские войска, продвигаясь вперед, не встречали с этой стороны почти никаких препятствий.

Известие о входе версальских войск в Париж распространялось довольно медленно и стало известно всему городу только на другой день, с утра.

В понедельник, около 8 часов утра, я по обыкновению пошел купить себе кое-что из съестного. Выйдя

на бульвар, я тотчас же увидел необычайное скопление народа, местами стоявшего группами и возбужденно обсуждавшего положение дел. Кое-где уже начиналась постройка баррикад.

Ввиду того, что булочные и другие лавочки стали быстро закрываться, я поторопился купить себе провизии и отнести ее домой. По дороге я забежал к Елизавете Дмитриевне (фамилии ее не помню), которая неподалеку от бульвара Сент-Оуэн занимала комнату; тут меня встретила ее хозяйка и сказала, что она еще вчера поздно вечером оставила квартиру, забрав с собой все свои вещи. С тех пор я не встречался с Елизаветой Дмитриевной, которая после падения Коммуны вернулась в Россию и одно время жила в Красноярске с мужем, судившимся по какому-то делу и сосланным на поселение. Когда всех нас, политических преступников, содержавшихся в семидесятых годах в двух центральных каторжных тюрьмах Харьковской губернии, переводили в Восточную Сибирь на каторгу, она в Красноярске безуспешно пыталась повидаться со мной в тюрьме. Елизавета Дмитриевна во время Коммуны вела усиленную пропаганду и агитацию в Париже среди женщин-работниц, организовывая их в различных округах города.

Вскоре я вернулся назад на улицу, где присоединился к строившим баррикады и начал выворачивать камни мостовой и укладывать их в известном порядке. К полудню в нашем округе все улицы и переулки покрылись баррикадами, и всюду на них появились вооруженные люди, их защищавшие; среди последних главным образом были федералисты (так назывались войска Коммуны), и только изредка встречались люди в штатском платье. В некоторых местах, в отдаленных улицах и переулках, с утра уже завязалась перестрелка с наступающими версальцами (войсками Мак-Магона), под натиском которых коммунары вынуждены были постепенно оставлять баррикады и подвигаться все ближе и ближе к нам, как к центру сопротивления всего округа Батиньоль. Часам к 5—6 вечера перестрелка, постепенно усиливаясь, сильно разгорелась у нас, но тем не менее коммунары стойко держались

и энергично отражали атаки версальцев. Убитых и раненых у нас было не много, но в то же время к нам постоянно подходили силы небольшими группами с баррикад из переулков, которые они вынуждены были оставлять. Версальцы, не ограничиваясь этой перестрелкой и атаками, в то же время значительными силами продвигались вперед вдоль стены города и таким образом стремились охватить округ с севера, т.-е. зайти нам в тыл.

В сумерки, около 9 часов вечера, перестрелка почти прекратилась, баррикады же бдительно охранялись часовыми. Нам всем штатским, живущим по соседству, было разрешено идти по домам на отдых с обязательством вернуться к 5 часам утра. Из нашего переулка нас было всего три человека, и мы все ушли домой. Я, уставший, голодный, закоптелый и грязный, придя на квартиру, прежде всего обмылся, обчистился, затем, подкрепившись едой и чаем, улегся спать. Сон был очень тревожный, и мне все время снилось, что я стою на баррикаде и стреляю. Вдруг я внезапно проснулся от страшного грохота и треска. В действительности оказалось, что версальцы, обойдя Батиньоль с севера, в разных стратегических пунктах поставили батареи и начали атаку округа артиллерийским огнем. С вершины же Монмартра, где стояло огромное морское орудие, снятое с какого-то корабля еще перед осадой Парижа, коммунары начали стрелять по версальским батареям.

Хотя было еще довольно рано, но я тем не менее тотчас же выбежал на улицу, т.-е. в свой переулок, с намерением пробраться на свою баррикаду, но это оказалось невозможным, потому что версальцы сильно обстреливали наши баррикады из орудий и под прикрытием их вели энергичную и с большими силами атаку на них. Ружейная стрельба была так сильна, что выйти из переулка не было никакой возможности, и мы все жались на углу, боясь высунуться, и так продолжалось несколько минут, пока одному из нас не прострелили ногу, так что двоим (в том числе и мне) пришлось его тащить чуть не на себе. Очень скоро вдоль нашего переулка тоже засвистели пули:

баррикада была взята версальцами. Коммунары, защищавшие ее, оставшиеся в живых и не попавшие в плен, ушли на Монмартр.

Весь вторник я просидел дома в самом отвратительном состоянии, нервы были напряжены до последней степени. С одной стороны бушевали канонада и ружейная стрельба — шла атака Монмартра, который и взяли в ночь на среду, а с другой стороны время от времени раздавались отдельные выстрелы поблизости: это расстреливали пленных и жителей, почему-либо показавшихся подозрительными. На другой день, т.-е. в среду, я вышел по делу и увидел разрушенные баррикады, исковерканные мостовые, необрушенные трубы расстрелянных, разрушенные дома — ничего еще не успели убрать, а в дальних улицах было уже все прибрано. Встречал также фургоны, наполненные трупами; их свозили и закапывали в парке Монсо, где, как рассказывали, жители этой местности по вечерам собирались около решетки парка и слышали стоны заживо зарытых. Ходить было небезопасно, потому что всюду часовые и патрули останавливали, спрашивая, куда, зачем иду, кто я такой, где живу; мало этого: раза два-три даже обыскивали, осматривали руки. Меня спасало только то, что я иностранец и имел нечто вроде американского паспорта. В одном месте я узнал, что занятая версальцами часть города подвергается повальному обыску и что многие при этом арестовываются. Ввиду этого я оставил свою квартиру и провел трое суток у Г. Н. Вырубова (известный философ-позитивист, издатель-редактор французского журнала „Позитивная Философия“) в его квартире в лазарете, которым он заведывал, как врач.

Со среды или четверга в разных частях города вспыхнули пожары: горели различные общественные здания, поджигаемые коммунарами или версальцами с военными целями. В то же время окна подвальных этажей стали заколачивать досками под предлогом, что женщины-коммунарки льют в эти окна керосин и зажигают его; это была клеветническая выдумка версальцев, которые расстреливали без суда женщин, якобы „поджигательниц“ („петролейщиц“).

В воскресенье я вернулся на свою квартиру. Она уже была обыскана, но довольно поверхностно, потому что принадлежала ученому, временно уехавшему в Англию.

Наконец, с 29 или 30 мая появились на стенах города прокламации за подписью Мак-Магона, что „порядок в городе восстановлен“ и что 2 июня откроется движение по железным дорогам. Я решил воспользоваться этим и немедленно уехать.

2 июня утром я явился на Лионский вокзал, который был совершенно пуст; в вагоне со мной сидело человек 5—6. Все они, как потом оказалось, были пригородными жителями. На каждой станции в вагон входили полицейские, осматривали нас, наши вещи, паспорта, спрашивали, куда едем, почему и т. д. Чтобы избавиться от этих расспросов, я на третьей или четвертой станции вышел из вагона, взял новый билет в кассе и сел в другой вагон, а при появлении полицейских предъявлял им сразу свой железнодорожный билет, и это удовлетворяло их. На другой день я почти без приключений добрался до Цюриха.

АХИЛЛ ЛЕРУА

ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

Мой отец был фермером. Революция 1848 г. его разорила и заставила отдать меня, когда мне пошел 11-й год, в прядильную, где я работал по 13 часов в день. Затем мы переехали в окрестности Парижа, и мне пришлось перейти на выучку к кондитеру.

Мой дядя, учитель, подвергшийся преследованию при Империи за свои социалистические убеждения, привил мне с детства элементарное представление о классовой борьбе и несправедливости человеческих взаимоотношений. Хозяин прядильной и кондитер помогли мне на практике проверить теорию идеалиста дядюшки.

Увы, мне не пришлось долго вникать в тайны изготовления шоколадных тортов и воздушных пирогов. Однажды я был послан с громадным сооружением из крема, слоенного теста и других вкусных вещей, которые предназначались для нашей постоянной заказчицы—баронессы, праздновавшей в тот день свои именины или другое семейное торжество. Изнуренный хрониче-

ской ночной работой (кто был булочником или кондитером, тот поймет меня без долгих объяснений), я не совсем рассчитал ступеньки подъезда клиентши, и прекрасный торт, сделанный по заказу, украсил бесформенной массой грязный тротуар. Короче говоря, на другой день я был без места и очутился снова в родительском доме, где был встречен злобным шипением мачехи.

После некоторых безуспешных попыток определить меня на другое место, отец, по совету соседа, попробовал устроить меня в типографию. В ту эпоху 40 французов из 100 были неграмотны, а в моем возрасте и того больше. Поэтому идея соседа имела под собой известное основание. Таким образом, я внезапно превратился в наборщика в типографии Буасси.

Я попал в революционную среду, в среду друзей Барбеса и Бланки. За мое воспитание взялся корректор Саванье, который помимо всего решил обучить меня литературному труду. Это было тем легче, что вместо 13—14-часовой работы, которую мне приходилось выполнять раньше, у других хозяев, здесь в типографии работали не больше 10 часов.

В декабре 1857 г. шестнадцатилетним юношей, я неожиданно был арестован, это был мой первый арест, а причина его—нелестный отзыв о Бадинге, одном из кровавых душителей Второй Республики. Под конвоем двух жандармов я был доставлен в Версаль, где просидел несколько недель. Будь я немного старше, дело кончилось бы ссылкой в Гвиану или в Новую Каледонию, так как в то время не особенно церемонились.

Очутившись на свободе, я решил убраться подальше и переехал в Тулон, где поступил в морскую типографию. Там, между прочим, мне привелось участвовать в стачке, вызванной придирками администрации. Так, например, нам запрещали курить. Нас обвинили в нарушении закона о профсоюзах, и я вместе с т. Дюбуа получил 3 месяца тюрьмы. После отсидки нас выслали из Тулона и в сопровождении двух жандармов отправили в Ниццу, а оттуда в Люк. Здесь, на лазурном берегу, посреди апельсиновых садов и оливковых рощ,

наши провожатые расстались с нами, и один из них буркнул на прощанье

— Смотрите, лучше не попадайтесь снова на глаза

На следующий день мы расстались с Дюбуа (больше мы с ним никогда не виделись). Он поехал обратной дорогой к своей семье, а я решил перебраться через итальянскую границу.

В Фреже, бывшей морской военной базе римлян, я устроился в типографии местного аббатства и зажил было припеваючи. Но спустя полгода произошел очередной инцидент, снова стоивший мне места: я не удержался и как-то отозвался непочтительно о господе боге. И я снова в Ницце, жемчужине старинного королевства Флоренции. Здесь я поработал в типографии моего знакомого, который когда-то служил со мной у Буасси. Он оказался не меньшим эксплуататором, чем другие, и заставлял нас работать лишние часы, мало заботясь о том, что их следует оплачивать. Оттуда меня перебросило в Монте-Карло, где была нужда в специалистах печатного дела.

Затем снова начались скитания, которые я отметил в своих книгах. Италия, Швейцария, затем снова возвращение на родину для встречи со стариком отцом, работа в типографиях в Лионе и Гренобле. Оттуда, одержимый страстью к странствованиям, я проехал в Андорру, древнейшую республику в Европе, носящую полу-французский, полу испанский отпечаток. Побывал и в Испании.

Настала историческая пора, когда Гарибальди выпустил свое воззвание с девизом: „Интернационал—это основа будущего“ Мы откликнулись на его призыв и организовали франко-испанский легион, который высадился в Ливорно. Мы участвовали в сражении при „Ментане, по поводу которого я составил „Песнь пролетариев“.

При отступлении к Ливорно я и мой друг Эспадрилля были с Гарибальди до самого конца, до того момента, когда он был захвачен в плен.

Укрывшись в Карпере, я еще некоторое время слонялся по полуострову, перебиваясь работой и получая поддержку от революционных комитетов. Ничего дру-

того не оставалось, как вернуться во Францию, что я и сделал.

Наступила франко-прусская война—результат либеральной политики Наполеона Маленького и происков Бисмарка

Всем известна история этой несчастной войны, Седана и Меца, ряда жестоких поражений, в результате которых столица Франции должна была в третий раз на протяжении полувека подвергнуться оккупации чужеземных армий

Императорский трон зашатался. Запахло революцией, и я вступил в ее ряды. В сентябре 1870 г. я вступил в отряд Национальной гвардии, находившейся под командованием Шарля Лонгэ, известного журналиста, члена Интернационала, приверженца прудонистских идей. В составе этого отряда я, в чине лейтенанта, принимал участие в защите Парижа с первой минуты до последних баррикад.

Я не буду описывать борьбы за Коммуну. Все знают подробности этой потрясающей революционной драмы, когда защитники Коммуны отстаивали каждую пядь земли, отбиваясь от превосходящего численностью и прекрасно вооруженного противника и устилая своими трупами одну баррикаду за другой.

Финал борьбы наступил 27 мая у Пер-Лашез. Мне с частью чудом уцелевших национальных гвардейцев и рабочих удалось пробраться через баварские аванпосты недалеко от форта Венсен. Мы были измучены, истощены и буквально падали с ног. По приказу баварского офицера, нас загнали на ночь в сарай, откуда мне удалось бежать.

Наступили долгие годы эмиграции. Я провел там семь лет, побывал в Германии, где работал печатником в Магдебурге, затем в Швейцарии, Италии, Испании, Бельгии и Люксембурге.

Французское правительство потребовало от других государств выдачи бежавших коммунаров, квалифицируя нас, как уголовных преступников, бандитов и поджигателей. Но только одна Бельгия отозвалась на это подлое требование и выдала французским жандармам несколько человек. Правительства других стран огра-

ничились только тем, что предложили эмигрантам выехать в другие страны по их выбору. Я лично был выслан из Бельгии, Швейцарии и Люксембурга.

Годы эмиграции были для меня периодом тяжелых материальных мучений и тяжкого морального гнета, так как повсюду свирепствовала реакция. Перебиваясь кое-как, получая поддержку от рабочих, я продержался за границей до 1878 г.

Затем я решил, будь что будет, вернуться во Францию. Там над моей головой висел заочный приговор к пожизненной ссылке в Новую Каледонию. Но это решение суда было основано на доносе,—таких доносов после разгрома Коммуны было множество. Даже некоторые из обывателей, которые чокались с нами и пили за Коммуну в марте—мае 1871 г., обнаружили свое настоящее лицо после победы версальцев. Военные штабы и суды были буквально наводнены потоком доносов. Доносили на соседей, на добрых знакомых, на родственников. И на основании таких „документов“ и „улик“ буржуазия судила. Впоследствии выяснилось, что тысячи людей, не имевших никакого отношения к Коммуне, пали жертвой злобной мстительности мещанства.

По счастью, списки роты, в которую я входил, были уничтожены в самый последний момент г. Мейсусом, который ведал снабжением и выдачей жалованья, и меня не тронули.

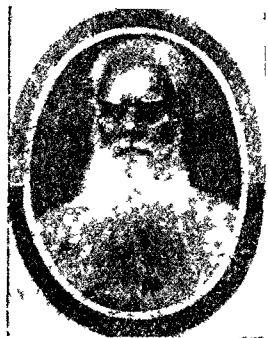
После того, как я вновь возвратился в Париж, я стал заниматься литературной работой, в частности в „Пролетарии“ и „Энтрайжане“. Там мы вместе с Рошфором проводили энергичную кампанию за амнистию участникам Коммуны. После двух лет упорной борьбы эта кампания увенчалась успехом. В 1880 г. двери Франции открылись для ее сынов, в продолжение 9 лет перенесших жесточайшие лишения в ссылке, эмиграции и на каторге.

Achille Le Roy

РЕВОЛЮЦИОНЕРКА

I

Вспоминая дни Парижской Коммуны, я не могу не остановиться на одной из участниц ее, нашей соотечественнице, А. Т. Пустовойтовой, вся жизнь которой была наполнена подлинным революционным героизмом, неукротимой энергией и мужеством.

Родилась она в Житомире 26 июля 1838 г. Окончила Пуловской Александрийский Институт и Оксфордский университет.

В университеты в то время женщин не принимали, и она вступила туда под именем Антона Теофиловича Пустовойтова и уже до смерти продолжала быть женщиной.

Мятущееся, бунтарское существо Пустовойтовой вспыхнуло сразу же по окончании университета. Она отправляется в Италию в армию Гарибальди, в составе польского легиона под командой Ярослава Домбровского. Она проводит все походы, принимает участие во всех сражениях, переносит все трудности битв. Расставаясь с Пустовойтовой по окончании войны, Гарибальди подарил ей свою саблю с надписью „За неустрашимость, боевые и революционные подвиги своему адъютанту — Антону Пустовойтову, кото

рый, уходя с боевого поля, уносит с собой сознание честно выполненного долга революционера и заслуженную признательность пролетариата“.

II

Преследуемая за свои взгляды и убеждения царским надзором в Польше и в России, Пустовойтова уезжает в Париж, где начинает формировать польские легионы для подготовляющегося восстания (оно вспыхнуло в 1863 г.). Из Парижа она переезжает в Лондон, где сталкивается с целым рядом республиканцев-революционеров того времени, в том числе и с Карлом Марксом, Энгельсом, Герценом, Бакуниным и др.

Во время одной из ее бесед с Герценом вбежал к нему организатор польской экспедиции в Литву — Лапинский, который, показывая телеграмму, сообщил, что в Царстве Польском в ночь с 22 на 23 января 1863 г. вспыхнуло восстание и началась война.

Простившись со всеми, Пустовойтова выехала в Варшаву, где явилась в Варшавский Народно-Революционный Жонд, рекомендуясь сыном генерала, Антоном Теофиловичем Пустовойтовым. Жонд назначил ее адъютантом генерала Лангевича, который вскоре стал диктатором Польши, а с выездом его в Австрию Пустовойтова перешла в отряд генерала Чаховского, оперировавшего в Радомской и Келецкой губ. против русских войск генерала Ушакова, где мы вновь встретились на боевом поприще после отряда Гарибальди. Чаховский, оценив боевые и революционные заслуги Пустовойтовой, назначил ее знаменщиком. В этом отряде от начала восстания мы участвовали во всех боевых действиях до дня 26 ноября 1863 г., в который Чаховский был убит казачьими офицерами, а меня и Пустовойтову взяли в плен. При этом Пустовойтова, заблаговременно срезав отрядное знамя с древка, обмоталась им под пальто. Это знамя потом, на Радомской гауптвахте, передала она навещавшей ее подруге по институту, Малецкой, которая отвезла его в Польский музей в Раперсвиле, на южном берегу Цюрихского озера в Швейцарии

По прошествии недели нас с гауптвахты отправили в варшавскую следственную тюрьму „Павиак“, потом судили и приговорили к ссылке в г. Великий Устюг, Вологодской губ.

Там и пролетели три года нашей ссылки, а летом 1867 г. царским манифестом мы были помилованы по случаю бракосочетания наследника Александра с Дамарою Датской.

III

И вот мы снова в Париже, который Пустовойтова называла новою своею родиной. В то время Париж горячо содействовал уничтожению автократических и феодальных правительств, тяготевших над прежним миром до революции. За это и полюбила его Пустовойтова.

Во время Парижской Коммуны Пустовойтова, в составе польского легиона, которым командовал Домбровский, находилась с нами при защите северо-западной части Парижа от версальских войск Национального Собрания и перенесла тяжкие испытания в кровопролитных сражениях при вылазках федералистов 3, 4 и 7 апреля, когда погиб командующий армией Бургонь, на место которого назначен был Домбровский, а 17 апреля, когда ранен был адъютант Домбровского—Околович, Пустовойтова заняла его место и вихрем летала по фронту армии, передавая приказания и реляции отдельным частям войск. Но 24 мая, во время жестокой схватки с версальцами на улице Мира, Домбровский, бросившись с Верморелем на противника, смертельно был ранен пулей в живот, а 25 мая мы хоронили своего вождя на кладбище Père la Chaise, опуская его в могилу под унылый гул и стон тысяч орудий и ружейных залпов сражающихся в городе...

IV

После гибели нашего вождя я с Пустовойтовой, членом Коммуны дядей Арнольдом и остатками легиона в тот же день, 25 мая, перешли в отряд Врублевского и расположились на площади Жанны Д'Арк за

баррикадой, на бруствере которой Анна Теофиловна водрузила свое красное знамя с надписью: „Да здравствует пролетарская социальная республика и Парижская Коммуна!“. Но недолго развеялось это знамя: 26 мая во время атаки баррикад версальцами, на челе которых находился генерал Буланже, Пустовойтова ранила его метким выстрелом, но, пронзенная 12 пулями ответного залпа, она свалилась на наши руки, бездыханная и окровавленная...

Отбив атаку версальцев, я с Арнольдом, обернув тело героини в ее знамя, отнесли драгоценную ношу на кладбище Père la Chaise, где ждали нас уже ее друзья, оповещенные о несчастье. Мы вырыли могилу рядом с Домбровским и, не найдя гроба, опустили Анну Теофиловну, обернутую в то же знамя, покрытое непромокаемым моим пальто, и, насыпав на нее песчаный холм, покрытый цветами, безмолвно стояли вокруг него и плакали. Всякие слова прикоснулись бы грубо к тому, что чувствовали окружающие... Разве нужно было говорить о бесспорности дела, которому служила покойная, о нравственной красоте жертвы, на которую она добровольно и бесстрашно вызвалась... Парижская газета „Crie du Peuple“, воспроизведя главнейшие черты из жизни Пустовойтовой, метко охарактеризовала ее словами: „Что оставила она по себе? Честное, доблестное имя, которое вечно будет служить примером для вступающих в жизнь юношей с пылкой душой и благородным сердцем“. Дорогою памятью после нее у меня остались: сабля Гарибальди и орден „Освободителя“ Симона Боливара, похищенный Петлюрою в Киеве в 1918 г.

Но недолго Пустовойтову пережила Парижская Коммуна: 28 мая были последние судороги задавленной народной революции. На улице Рампонно прозвучал последний похоронный выстрел, и все умолкло.

Викт. Болес. Францук.

МНЕ БЫЛО ТОГДА ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Когда была объявлена Коммуна, мне было всего 15 лет. Тот, кто знает историю героической борьбы рабочего Парижа с версальцами, тот не удивится, что мальчуган в моем возрасте принимал участие в обороне Коммуны наравне со взрослыми. На баррикадах Парижа, в кольце фортов, преграждавших подступы к городу, погибла не одна сотня „гамэнов“, рожденных в революционных предместьях.

От нашей семьи в Национальную гвардию пошло двое—я и мой отец. Мы вступили в 71-й отряд, отец—рядовым гвардейцем, я—барabanщиком.

Когда версальцы овладели линией фортов и ворвались в город, нашему батальону было приказано защищать участок Сент Оноре. Противник, будучи не в состоянии сломить наше упорное сопротивление, решился на подлую хитрость. Версальцы подняли ружья прикладами вверх, что означало сдачу, и пошли к нам. Мы прекратили стрельбу. Когда же версальцы подошли вплотную к баррикадам, они не ожиданно для нас перешли в атаку. Судьба нашей баррикады была решена. С болью в сердце мы должны

были оставить ее. После этого мы устроили несколько новых баррикад, но удержать их не смогли и отошли к площади Согласия.

Злой рок уже подстерегал меня. На улице Аксо я был схвачен версальцами и взят в плен. Меня и других товарищей отправили в тюрьму Ля-Рокетт. Там нас продержали три недели. Кормили гнилыми отрубями.

По дороге в Ля-Рокетт нам пришлось быть свидетелями гнусной расправы озверевших версальцев над коммунарами. Версальцы собирали свои жертвы группами, а затем начиналось:

— Ты направо, ты налево!

„Направо“ означало тюрьму, „налево“—немедленный расстрел. В этот день только за три часа—с двух до пяти часов дня—было таким образом расстреляно до 2.000 коммунаров. Их участь, повидимому, разделил бы и я, но, к счастью для меня и других товарищей, в пять часов вечера версальским войскам было приказано прекратить расстрелы. Наша жизнь была спасена. Надолго ли?

Из Ля-Рокетт меня и других товарищей вскоре повели в версальскую тюрьму. Там я познакомился с Луизой Мишель.

В Версале нас ждало новое тяжелое испытание.

Озлобленные и потерявшие человеческий облик, аристократки и женщины легкого поведения подходили к нам, плевали в лицо, выкалывали глаза зонтиками, ругались и т. д.

В это время отец мой уже разыскивал меня. И узнав, что я в Версале, пришел туда.

Увидев отца, я прежде всего спросил:

— Ты принес мне гражданскую одежду?

Отец утвердительно кивнул головой.

— Ну,—подумал я,—теперь посмотрим, кто кого перехитрит—стража меня или я ее.

Воспользовавшись тем, что охрана не очень бдительно за нами следила, я переоделся в принесенное отцом гражданское платье, и—был таков.

Но я не мог предусмотреть одного обстоятельства. Версальцы, обнаружив мое исчезновение, схватили моего отца и вскоре составили его на остров Эльзу.

Вырвавшись на свободу, я ушел в провинцию, так как в Париже оставаться уже не было смысла

Великие идеи Коммуны, за которые погибли десятки тысяч рабочих, послужили для меня путеводной звездой на всю дальнейшую жизнь. Всюду, где мне ни приходилось работать, я оставался верен международному рабочему лозунгу „Минимум труда — максимум зарплаты“, чем вызывал неоднократно преследования со стороны предпринимателей и властей.

В 1910 году я был выброшен со службы в Северной компании, где служил много лет в качестве механика. Мотив увольнения организация и руководство забастовкой.

В 1919 году я был внесен в „красную книгу“ консорциума предпринимателей, куда записывают всех неблагонадежных, на когорых ставится крест в смысле предоставления работы. Это стоило мне нескольких лет безработицы.

Как кандидат французской компартии, я был избран членом муниципального совета в Сент-Уэне, но вскоре был лишен полномочий, как это часто практикуется во Франции в отношении муниципальных советников коммунистов.

На 73 году жизни мне выпало великое счастье и честь быть представителем от французских рабочих на праздновании десятилетия Октябрьской революции. Я констатирую с величайшей радостью, что русский пролетариат не сделал тех ошибок, которые послужили причиной гибели Парижской Коммуны.

Спайка и дисциплина трудящихся масс и руководство великого Ленина сделали решающей вашу победу над буржуазией и похоронили навеки русских Тьеров и Галлифе.

ДОКУМЕНТЫ КОММУНЫ

(ДЕКРЕТЫ И ВОЗЗВАНИЯ)

Воззвание Центрального Комитета Национальной Гвардии после революции 18 марта

К народу!

Граждане!

Парижский народ свергнул ярмо, которое пытались наложить на него.

Спокойный, невозмутимый в своей силе, он без страха и без вызова ждал лишь того момента, когда наглые безумцы осмелятся посягнуть на нашу святыню — Республику.

На этот раз наши братья, солдаты армии, отказались поднять руку на святыню нашей свободы. Мы выражаем нашу благодарность всем. Пусть теперь Париж, а с ним и вся Франция, создаст прочный фундамент для истинной республики, единственного правительства, которое навсегда положит конец эпохе враждебных нашествий и гражданских войн. Осадное положение снято.

Население Парижа приглашается явиться в свои секции для производства коммунальных выборов.

Безопасность граждан обеспечена благодаря содействию Национальной Гвардии.

Центральный Комитет Национальной Гвардии.
Асси, Билльора, Ферре, Бабиэ, Эд. Моро, К. Дюпон, Варлен, Бирсье, Мортье, Гуйе, Тавалетт, Фр. Журд, Руссо, Ш. Тюлье, Бланше, Ж. Гролар, Барру, Жерем, Фабр, Пужере.

Городская Ратуша Парижа
19 марта 1871 г.

Граждане!

Коммуна учреждена.

Голосование 26 марта санкционировало победу революции.

Подлая власть напала на вас, схватив вас за горло; в законной самозащите вы прогнали от ваших стен правительство, желавшее обесчестить вас и навязать вам короля.

Вы не хотели преследовать преступников, теперь они злоупотребляют вашим великодушием и организуют у самых ворот города очаг монархической конспирации. Они призывают к гражданской войне, прибегают к подкопу, устраивают заговоры, они осмеливаются даже кланчить помощь у неприятеля.

За эти гнусные происки мы призываем их к суду Франции и всего мира.

Граждане, вы только что создали учреждения, которые сумеют бороться с этими покушениями.

Вы сами располагаете своей судьбой. Созданное вами правительство, сильное вашей поддержкой, исправит весь ущерб, причиненный городу отжившим правительством. Подавленная промышленность, остановившийся труд, парализованная торговля получат новый, сильный импульс.

На первой очереди стоит вопрос о наемной плате за квартиры, затем вопрос о сроках платежей; восстановление и упрощение всех общественных учреждений, немедленная реорганизация Национальной Гвардии, отныне единственной вооруженной силы города.

Таковы будут наши первые шаги.

Народные избранники просят своих избирателей поддержать их своим доверием в деле упрочения торжества Республики.

Со своей стороны они исполнят свой долг.

Парижская Коммуна

Городская Рагуна

29 марта 1871 г.

Декрет об отмене рекрутского набора

Парижская Коммуна постановляет:

§ 1. Рекрутский набор отменяется.

§ 2. В пределах Парижа не может быть учреждена и в город не может быть введена никакая военная сила, кроме Национальной Гвардии.

§ 3. Все способные к военной службе граждане вступают в ряды Национальной Гвардии.

Парижская Коммуна

Декрет Парижской Коммуны от 2 апреля

Принимая во внимание, что основным принципом Французской республики является свобода; что из всех видов свободы главный есть свобода совести; что государственный бюджет церкви противоречит этому принципу, так как насилует убеждения граждан; что в действительности духовенство было соучастником в преступлениях монархии против свободы,—

Парижская Коммуна постановляет:

§ 1. Церковь отделяется от государства.

§ 2. Церковный бюджет упраздняется.

§ 3. Так называемые неотчуждаемые имущества, принадлежащие религиозным конгрегациям, как недвижимые, так и движимые, объявляются национальной собственностью.

§ 4. Назначается немедленное расследование по поводу этих имуществ, с целью выяснить их характер и передать их в распоряжение нации.

Парижская Коммуна, принимая во внимание, что до сего времени высшие общественные должности, благодаря присвоенным им окладам, служили предметом домогательства и раздавались в виде милости; с другой стороны, принимая во внимание, что в истинно-демократической республике не может быть ни синекуры*), ни преувеличенных окладов жалованья,—поста-

*) Синекура—должность, не требующая работы и дающая значительный доход

новляет: максимум содержания каждого из чиновников различных коммунальных учреждений определится в шесть тысяч франков в год.

Парижская Коммуна

Из прокламации Коммуны от 5 апреля

Принимая во внимание, что версальское правительство открыто попирает законы войны и гуманности, что оно повинно в ужасах, которыми не запятнали себя даже поработители французской земли; что на представителей Коммуны возложен священный долг защищать честь и жизнь двух миллионов обитателей, вручивших в их руки свою судьбу; что необходимо теперь же принять соответствующие положению меры, принимая также во внимание, что политические деятели и городские выборные должны примирять общее благо с уважением к политической свободе,—

Парижская Коммуна постановляет:

§ 1. Всякое лицо, заподозренное в соучастии с версальским правительством, подлежит аресту и суду.

§ 2. Не позднее 24 часов назначается обвинительное жюри для расследования преступлений.

§ 3. Жюри произносит свой приговор не позднее 48 часов.

§ 4. Обвиняемые, задержанные по приговору обвинительного жюри, считаются заложниками парижского народа.

§ 5. Всякая казнь военнопленных или партизан за конного правительства Парижской Коммуны имеет немедленным последствием казнь тройного числа заложников, задержанных согласно § 4 и назначаемы жеребьевкой.

§ 6. Все военнопленные немедленно передаются обвинительному жюри, которое решает, остаются ли они в качестве заложников или отпускаются на волю

Парижская Коммуна

Из воззвания коммунарок к парижским гражданам

Гражданки, перчатка брошена! Мы должны умереть или победить! Пусть всякая женщина, думающая „Что мне в торжестве нашего дела, если я потеряю тех, кого люблю?“, поймет, что есть только один путь для спасения дорогих ей людей—кормильца-мужа или сына, в котором она видит всю свою надежду. Этот путь—действенное участие в начавшейся борьбе. Надо навсегда прекратить эту братоубийственную бойню, а она или окончится теперь же торжеством народа, или опять возобновится в близком будущем.

Горе магерям, если народ опять окажется побежденным. Их малюткам придется заплатить за поражение. Участь, ожидающая наших мужей и братьев в случае поражения, предрешена: разгул реакции не будет знать предела. Ни мы, ни наши враги не хотим милосердия.

Гражданки, решимся же! Соединимся, чтобы содействовать успеху общего дела. Будем готовы к тому, чтобы защищаться и чтобы мстить за наших братьев. К воротам Парижа, на баррикады, в предместья!.. Будем готовы, чтобы в нужный момент принять участие в борьбе. Если негодяи, расстреливающие наших пленных и убивающие наших вождей, дадут залп по толпе безоружных женщин, тем лучше. Крик ужаса и негодования во всей Франции и во всем мире приведет к завершению того, что мы начали. Если окажется, что все ружья и штыки разобраны уже нашими братьями, то на нашу долю останутся булыжники мостовой, чтобы избивать изменников.

Париж

11 апреля 1871 г.

Группа гражданок

Постановление Коммуны от 16 апреля

Принимая во внимание, что многие мастерские брошены своими хозяевами, которые стремятся, не считаясь с интересами рабочих, уклониться от исполнения своих гражданских обязанностей, и что, вследствие этого, оказались прерванными многие необходимые для жизни Коммуны работы и подорвано благосостояние рабочих,—

Парижская Коммуна постановляет:

Рабочие синдикальные камеры созываются для учреждения Осведомительной Комиссии, имеющей целью:

§ 1. Дать статистику брошенных мастерских с точным описанием состояния, в котором они находятся, и перечнем имеющихся в них инструментов.

§ 2. Представить доклад о практических мерах, которые могли бы быть приняты для скорейшего пуска в ход этих мастерских, переданных из рук покинувших их дезертиров в ведение кооперативной ассоциации занятых в них рабочих.

§ 3. Выработать проект устава этих рабочих кооперативных товариществ.

§ 4. Учредить третейский суд, который, по возвращении хозяев подобных мастерских, устанавливал бы условия окончательной их уступки рабочим товариществам и размер вознаграждения, уплачиваемого товариществами бывшему хозяину.

Осведомительная комиссия должна будет представить свой отчет Коммунальной комиссии по организации труда и обмена, на обязанности которой лежит составление в возможно скором времени проекта декрета, отвечающего как интересам Коммуны, так и интересам рабочих.

Воззвание к солдатам от 22 мая

Братья! Настал час великой борьбы народа против своих притеснителей!

Не предавайте дела рабочих!

Поступите так, как поступили 19 марта ваши братья. Присоединяйтесь к народу; вы—часть народа. Пусть палачи человечества, аристократы и привилегированные защищаются собственными силами, тогда будет легко установить царство справедливости.

Бросайте ваши ряды! Идите к нам, в нашу среду. Вы будете приняты с радостью, как братья! Парижский народ верит в ваш патриотизм.

Да здравствует Республика! Да здравствует Коммуна!

Воззвание Комитета Общественного Спасения от 22 мая

Вставайте, все добрые граждане!

На баррикады! Враг в наших стенах!

Прочь колебания! Вперед за Республику, за Коммуну и за свободу!

К оружию!

Воззвание Центрального Комитета Национальной Гвардии

Солдаты версальской армии!

У нас дети. И сражаемся мы за то, чтобы им не пришлось, как вам, страдать от ига военного деспотизма.

Придет день, и вы станете отцами семейств.

Если вы будете стрелять сегодня в народ, ваши дети проклянут вас, как мы проклинаем солдат, избивавших народ в июне 1848 и декабре 1851 годов.

Два месяца назад ваши братья, солдаты парижской армии, в негодовании на презренных трусов, предавших Францию, побратались с народом; последуйте их примеру.

Солдаты, дети и братья наши, выслушайте нас, и пусть решит ваша совесть:

Если приказ подл, непослушание становится долгом.

Центральный Комитет

Из воззвания к сельским жителям

Брат, тебя обманывают! Наши интересы одни и те же! То, чего требую я, хочешь и ты; освобождение, которого я добиваюсь,—это твое освобождение!

Итак, Париж хочет: земли для крестьян, средств производства для рабочих, работы для всех!

Плоды земли—тем, кто ее возделывает!

Да не будет больше ни слишком богатых, ни слишком бедных!

Да не будет более ни работы без отдыха, ни отдыха без работы!

Это возможно. Для этого нужны только хорошие законы, которые явятся тогда, когда трудящиеся не захотят больше, чтобы бездельники обманывали их.

Вам ясно теперь, что дело Парижа — ваше дело. Генералы, нападающие сейчас на Париж — те самые, что предали Францию. Депутаты, которых вы выбрали, не зная их, хотят снова вернуть короля.

Что бы ни случилось, помните: революции будут происходить до тех пор, пока не будет достигнуто: земля — крестьянам, орудие — рабочим, работа — всем.

УКАЗАТЕЛЬ

литературы о Парижской Коммуне

Для подготовленного читателя

Н. Лукин (Антонов). — Парижская Коммуна 1871 г. Изд. ГИЗ'а.

И. Степанов. — Парижская Коммуна и вопросы тактики в пролетарской революции. Изд. ГИЗ'а.

К. Маркс. — Гражданская война во Франции (1870—1871 г.г.). С предисловием Ф. Энгельса. Перевод с немецк. Под ред. Н. Ленина. Изд. ГИЗ'а.

Луи Дюбрейль. — Коммуна 1871 г. Изд. ГИЗ'а.

Тенин. — Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Глава III.

Э. Лиссагарэ. — История Коммуны 1871 г. Парижская Коммуна. Акты и документы. Эпизод кровавой недели. Изд. Коминтерна.

П. Л. Лавров. — Парижская Коммуна 18 марта 1871 г. Изд. ГИЗ'а.

Фридлянд и Слуцкий. — Хрестоматия по истории революционного движения в Зап. Европе в XIX—XX в.в. Гл. VII. Изд. „Красная Новь“.

Популярная литература

М. Конколь. — Коммуна 71 года. Краткая история восстания парижских рабочих 1871 г. Изд. ГИЗ.

В. Фриче. — Парижская Коммуна 18 марта 1871 г. — 27 мая 1871 г. Изд. ГИЗ'а.

И. В. Касаткин. — Париж 1871 г. Изд. ЦК МОПР.
П. Лепешинский. — Ильич о Парижской Коммуне. Изд. ЦК МОПР.

А. Горнев. — 18 марта — день МОПР'а. Изд. ЦК МОПР.

П. Лепешинский. — Парижская Коммуна и МОПР. Изд. ЦК МОПР.

А. Горнев. — Парижская Коммуна 1871 г. Изд. ЦК МОПР.

Левин. — О Парижской Коммуне.

С. Урин. — Почему 18 марта — день МОПР'а. Изд. ЦК МОПР.

З. Гайдерова. — Парижская Коммуна. (Материалы для агитаторов и пропагандистов). Изд. „Прибой“.

Артур Арну. — Мертвецы Коммуны. Изд. ГИЗ'а.

Сборники материалов для вечеров, посвященных Парижской Коммуне

Парижская Коммуна. — Сборник материалов для чтения и проработки в рабочих и комсомольских клубах, в избах-читальнях, народных школах, политкружках и т. д. Составил Г. С. Малюченко. Изд. „Буревестник“. 1925 г. Ростов н/Д.

Парижская Коммуна. — Пособие для массовой работы в клубе. Составили Б. Мурины и В. Аронов. Под общей редакцией Н. Н. Масленникова. Изд. „Долой Неграмотность“. 1925 г.

День Парижской Коммуны — Сборник материалов для клубов. Под редакцией Я. Нетунской. Изд. ГИЗ'а. 1925 г.

День Парижской Коммуны в клубах. — Изд. „Путь Просвещения“. 1924 г. Харьков.

Парижская Коммуна. — Сборник. Библиотека Рабочей Молодежи, под общей редакцией МК РКСМ. Изд. „Новая Москва“. 1924 г.

Парижская Коммуна. — Сборник. М. Езерский. Гиз. Украины. 1924 г.

В. Лир. — Парижская Коммуна, день 18 марта в коллективе Юных Ленинцев. Изд. Всеукраин. Об-ва Содействия Юному Ленинцу.

День МОПР'а — в клубе. Материалы о проведении дня 18 марта в клубе. Изд. ЦК МОПР. 1927 г.

День МОПР'а—18 марта.— Сборник материалов для ячеек МОПР и клубных работников. Изд. ЦК МОПР. 1926 г.

18 марта—день МОПР'а.— Материалы для ячеек и активистов МОПР. Изд. ЦК МОПР. 1925 г.

9 января и день Парижской Коммуны в школе.— Сборник. Изд. 1924 г.

Пролетарские праздники в рабочем клубе.— Сборник. Изд. „Красная Новь“. 1924 г.

На баррикадах Парижа.— Сборник. Изд. ЦК РЛКСМ

Вечер МОПР'а.— Сборник. Материалы для проведения вечеров, посвященных дню 18 марта. Изд. ЦК МОПР.

Литература

по истории Парижской коммуны в нашей библиотеке и сообществе «Знание - власть»:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

Поэзия коммунаров:

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

Фильм «Коммуна» Питера Уоткинса, дублированный инициативной группой

http://narod.ru/disk/9425873000/la_commune_l-compr.avi.html

СО ДЕР Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
Вместо предисловия	3
Густав Инар. Борьба за Коммуну	7
Антуан Ге. Мечь буржуазии	14
М. П. Сажин (Арман Росс). Расстрел Коммуны	21
Ахилл Леруа. Из моей жизни	27
В. Б. Арендт. Революционерка	32
Ипполит Ноэль. Мне было тогда 15 лет	36
Приложения	
Документы Коммуны (декреты и воззвания).	39
Указатель литературы.	46
Фотографии ветеранов Парижской Коммуны: Г. Инара, М. Сажина, А. Леруа, В. Арендта и И. Ноэля	